

Бондарь К.В. Повести Соломонова цикла: из славяно-еврейского диалога культур. — Харьков: Новое слово, 2011. — 156 с.; илл.

Олег Коваль

Изучение повестей Соломонова цикла в отечественной и мировой иудео-славянке имеет давнюю и плодотворную традицию, опирающуюся преимущественно на наследие «старой академической школы» отечественного литературоведения и медиэвистики, прежде всего на труды А.Н. Вес-

ловского, А.Н. Пыпина, Н.А. Мещерского, Н.С. Тихонравова (линия компаративистской методологии), а затем исследователей, последовательно выводящих проблематику цикла повестей на рубежи источниковедческой и текстологической научной работы: А. Алексеева, А. Архипова, Г. Ланта, М. Таубе, С. Лурье и других.

Но появление сегодня работы молодого харьковского исследователя, специалиста в области древнерусской литературы, текстологии, библеистики и еврейско-славянского диалога культур, К. Бондаря, едва ли может восприниматься просто как еще одна попытка решения старой литературоведческой проблемы. Перед нами подлинно новаторская книга, совместившая в себе и известную мудрость Соломоновых решений в своей теоретической части и двойственность природы жанра монографического повествования, вполне отвечающая зрительному облику Соломонова антагониста — Китовраса.

Это не только тщательный анализ состава памятников, объединенных в единый цикл повестей, всестороннее определение и систематизация источников и показ научной традиции исследуемых текстов, но и последовательная характеристика всех значимых археографических и текстологических аспектов описания памятников средневековой русской литературы, вступившей с еврейской книжной традицией во всесторонний культурный диалог.

Достоинством книги К.В. Бондаря как раз и является показ непрерывной исследовательской научной традиции и всесторонняя реконструкция собственно еврейских источников, легших в основу переводной традиции древнерусской литературы.

Но даже и не добротность филологической работы привлекает нас в рецензированном труде: показав всестороннюю связь еврейской книжной мудрости с древнерусской переводной традицией, объединенной общим сюжетом повествований о Соломоне, автор тем самым восстанавливает контекст культурных и литературных связей евреев и восточных славян в средневековье, предоставляя читателю возможность насладиться и оценить значимость самих текстов повестей Соломонова цикла, а также разобратся в их художественной привлекательности. Добавим к тому, что их научная публикация в таком глубинно-филологическом и научно-текстологическом плане осуществлена в книге автора едва ли не впервые в отечественной науке. Сам характер текстологической работы, осуществленной автором, приведение разночтений всех изученных списков исследуемых текстов (а их более 11) и перевод источников на русский язык представляются, возможно, самым ценным из предлагаемого труда, поскольку именно тексты демонстрируют те нескрываемые достоинства и очарование

еврейско-славянского диалога, которому посвящена работа харьковского исследователя, и очарование самой филологической работы над ними.

За неимением места кратко перечислим основные научные достоинства рецензируемого издания: 1) последовательно и тщательно представлено движение исследовательской мысли от компаративистского исследования к его источниковедческому и текстологическому анализу, на основе последнего — тщательная разработка поэтики повестей Соломонова цикла; 2) освещение нерешенных аспектов повестей в сравнении с веером гипотез и предположений, из которых автор отстаивает и свою точку зрения о природе еврейско-славянского книжного и культурного диалога; 3) демонстрация основных (если не всех) первоисточников повестей, восходящих к раввинистической традиции мудрецов-книжников; 4) интерес к иконографической семантике героев соломонова повествования, правда, еще не нашедшей своих исследователей (за исключением упомянутого в книге А.В. Чернецова, работа которого может быть названа пионерской, но весьма ограниченной в своей методологии и избирательности иконографических мотивов).

К достоинствам книги следует отнести и блестящий характер изложения, с его последовательностью, выверенностью формулировок, ясностью предложенных решений и прозрачностью языковой стилистики. Текст (собственно, язык) научного повествования безупречен. Культура научной работы сопряжена с культурой научной речи.

Основная гипотеза автора о переводе цикла на Руси с еврейского оригинала — совместная работа еврейского и древнерусского книжников в условиях межконфессиональной терпимости на восточнославянских землях — затрагивает уже культурологическую суть идео-славянского диалога. И хотя она вытекает из реконструкции археографии, текстологии и генезиса Соломонова цикла, гипотеза выглядит не вполне убедительно, поскольку нуждается в реконструкции названной, но не раскрытой в тексте книги совместной работы еврейского мудреца и древнерусского книжника по переводу текстов цикла и взаимной лингвальной дидактике.

Возможно, подтверждению или оспариванию отстаиваемой автором гипотезы послужит тщательная разработка иконографических источников и пластических аналогов персонажей и сюжетов Соломонова цикла, тем более, что, приводимые в книге, они имеют явную и устойчивую литературную традицию. Здесь связь слова и изображения имеет не опосредованную, а прямую зависимость. Формирование культурного контекста, включающего в восприятие раввинистических и апокрифических источников «изобразительного текста» древнерусской культуры позволит прояснить сам характер культурного сотрудничества и артификации ли-

тературных и изобразительных образов на древнерусском материале. Надеемся, такую работу автор продолжит в параллель своим собственно литературоведческим изысканиям.

Собственно, уже с первых страниц книги становится очевидным, что автор стремится реконструировать не только и не столько текстологические частности исследуемых текстов, а сам характер риторики и книжной культуры русского средневековья, что без привлечения иконографических источников и тщательного их анализа выполнить не представляется возможным.

В завершение достоинств укажем на убедительную и по возможности полную источниковедческую и библиографическую базу этого в свое время диссертационного, а теперь и монографического и текстологического исследования.

В нашем активном достоянии с выходом в свет этого замечательного труда, к слову говоря, — первой книги автора, остается даже не блеск проведенной работы, а то, что вновь филологическая и культурологическая мысль XXI века в ее харьковском изводе показывает основательность научной работы, сопряженную с остроумием и убедительностью решений научных задач, которая никуда не исчезла, важность медиевистической проблематики и вопросов межкультурного диалога, а также то, что поле, на котором взойдут общие плоды литературоведения и искусствоведения, остается еще мало изведанным восходящими и взошедшими поколениями харьковских и (шире) украинских гуманитариев.

Труд К.В. Бондаря — первая ласточка этой нужной и такой интересной работы.